

Раздел VI
ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Г. Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

ФИЛОСОФИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЭТОСА
(эссе)

1. Философ? — А-а-а-а . . .

Как-то ехал я с двумя коллегами на философскую конференцию. Ехали поездом, почти двое суток. Четвертый пассажир в купе внимательно прислушивался к нашим разговорам, иногда сам активно в них включался. На второй день, когда коллеги вышли покурить, он меня спросил: «А вы кто будете по профессии? Чем занимаетесь? Я смотрю, вы и о политике говорите, и об искусстве, и в истории разбираетесь. . .». Мой ответ явно обескуражил его. В наших разговорах он больше не участвовал и либо лежал, отвернувшись к стене, либо выходил из купе.

Несколько раз я оказывался в схожей ситуации. «Вы кто будете?» — «Философ» — «А-а-а. . .». И человек отходит, впад в озадаченно настороженное состояние души. Что этому причиной? Очевидно, весьма специфическое отношение к философии и философам, их, как сейчас говорят, имидж в глазах общественности. Особый интерес представляет философия как субкультура и ее этос, имидж философа, его восприятие в более широком контексте культуры. В чем же заключаются особенности образа философа и репутации философии в общественном мнении? От чего они зависят? И за кого держат себя сами философы? Как они отличают друг друга от прочих братьев по разуму? Иначе говоря, научнообразно выражаясь, в чем особенности философского этоса?

2. О хрене с редькой науки и философии

Сами философы упорно расценивают свое занятие как отрасль знания, а то и науки. По крайней мере, защищают диссертации на соискание ученых степеней кандидата, а то и доктора наук, получают научные звания доцентов и профессоров, почетные звания «деятелей науки».

Между тем общезвестно, что по мере формирования науки, по мере дивергенции и все большей специализации научных дисциплин, нарастали напряжения в отношениях науки и философии. Между ними сложились непростые, взаимно-подозрительные, если не взаимно-ревнивые отношения. То философия, вспоминая о былом «матери всех наук», «науки наук», начинала поучать свое любимое, но своенравное чадо, то пыталась сама принять вид науки, вызывая попытками присвоения себе статуса научности и даже науки наук небезосновательный скепсис и иронию научной общественности. Психоаналитики, наверное, разобрались

бы, чего в этом больше: «воли к власти» или «комплекса неполноценности». Но и наука постоянно демонстрирует своеобразный «Эдипов комплекс», вновь и вновь низвергая философию, получая на развалинах ее варианты, причем не всегда лучшие.

Подобно России и Украине, связанным общими историческими, культурными, географическими, этническими, экономическими корнями и связями, но обостренно ревниво-подозрительно относящимся к проявлениям активности по отношению друг к другу, наука и философия оказываются «скованными одной цепью». Но дело не сводимо к психоанализу и коммуналным отношениям. Представляется, что дело намного серьезнее, сложнее и интереснее. И проблема этоса в этой связи — чрезвычайно показательна и поучительна.

Соотнесение философии, науки и этоса — тема, которая звучит и выглядит почти парадоксально. Во-первых, у философии с наукой отношения достаточно не простые и не однозначные. С одной стороны, философия вряд ли подпадает под категорию собственно науки — science, и в англоязычном мире относится к сфере humanities. Social science занимают как бы промежуточное место: уже не humanities, но еще не science. И зарубежных «братьев по разуму» часто ставит в недоумение наличие Института философии Академии наук, защиты философских диссертаций на степень кандидата или доктора наук. На их вопросы, какое отношение философия имеет к науке, я обычно отшучиваюсь, что если у нас философия проходит по епархии science, то у них неразберихи не меньше: физики и прочие scientists получают степень PhD, т. е. доктора философии. Так что наш хрен их редьки не слаще.

3. Три круга этичности науки

Шутки шутками, но есть и более серьезные аспекты проблемы. Этос — это некая мораль, система норм, регулятивов поведения, которые приняты неким сообществом, которым подчиняется каждый его член. Но наука (science) традиционно и не без оснований рассматривается как внеэтическая сфера, как сфера имморальная — по ту сторону добра и зла, не имеющая к ним отношения, будучи ориентированной на истину. Еще в конце XIX — начале XX в. считалось, что наука не знает запретных тем, все доступно пылливому уму ученого. Однако конец XX столетия вывел на первый план неожиданные с традиционной точки зрения проблемы, такие как ограничения на занятия генной инженерией (в том числе — пресловутым клонированием), пересадка органов, эвтаназия. Даже аборт стал серьезной проблемой, имеющей острое политическое звучание. На глазах сформировалась и приобрела черты респектабельности целая дисциплина — биоэтика. Все эти очевидные факты, однако, связаны только с первым кругом соотнесения этической тематики с современной наукой. Речь идет о социально-культурном контексте восприятия науки и ее результатов социумом, то есть об этических факторах, действующих с внешней по отношению к науке позиции, не присущих самой науке.

Второй круг этической проблематики применительно к науке связан с проблемой рациональности. Работы Т. Куна, С. Тулмина, М. Полани, П. Фейерабенда и других продемонстрировали роль и значение нормативности, нормативно-ценностного момента в содержании теоретического знания. В этой связи даже встал вопрос о различных типах научной нормативности и рациональности. Речь идет уже о нормативных регулятивах, встроенных в само содержание научного знания, внутренне ему присущих.

Но существует еще один круг, в котором встречаются этика и наука. Речь идет об этике, нормативности, действующей в научном сообществе, точнее — сообществах. Еще Р. Мертон обратил внимание на роль пуританской этики в становлении естествознания в XVIII в. Действительно, члены Королевского научного общества были пуританами, а пуританские ценности полезности, рациональности,

индивидуальной ответственности, скепсиса к традиции и аскетизма определяли и до сих пор часто определяют образ ученого (image of scientist).

4. Двойной стандарт научного этиоса

Фактически научное сообщество (точнее — каждое из научных сообществ) представляет собой субкультуру — со всеми характеристиками, применимыми к другим субкультурам: этническим, молодежным, детским, криминальным и др. Научное сообщество не что иное, как одна из профессиональных субкультур со своими нормами, традициями, эпосом, сленгом, героями, юмором и т. п.¹

Перечислим наиболее очевидные ценностные нормы, которым должен соответствовать «настоящий ученый»:

- интеллектуальная скромность;
- эмоциональная нейтральность;
- беспристрастность;
- бескорыстие;
- независимость;
- критичность к любому авторитету;
- открытость позиции, готовность принять критику;
- объективность, исключение партикуляризма.

Однако любой, хотя бы немного знакомый с бытом и нравами науки, знает, что в научных коллективах действуют другие этические максимы, с точностью до наоборот по отношению к приведенному перечню, а именно:

- оригинальность, яркость и неординарность;
- эмоциональная вовлеченность и ангажированность научной идеей;
- способность привлечь финансовые средства к продвижению идеи, рекламе;
- признание авторитета учителя и лидера;
- скрытность и закрытость по отношению к конкурентам, готовым перехватывать идеи;
- верность и преданность школе, направлению, нетерпимость к «изменщикам».

Складывается впечатление двойной морали, двойного стандарта: одного — по отношению к другим, которые должны быть открытыми к критике, нейтральными, бесстрастными и т. п. А другого — по отношению к «своим», которые должны быть преданными и блюсти чистоту рядов.

5. Вненаучность философского этиоса

Но ситуация приобретает еще более причудливый характер при обращении к этиосу философскому. Научный этиос, даже с учетом его двойного стандарта (для своих и для чужих), остается все-таки именно этиосом — сводом писанных и неписанных правил совместной деятельности. Очевидно, что необходимость в них обусловлена необходимостью признания неких общих принципов и критериев истины, таких как объективность, проверка экспериментом, математическим расчетом. Вне таких принципов и оснований научная коммуникация и аргументация утрачивают всякий смысл.

Философия же, в отличие от науки, предполагает не столько некую социальную конвенцию, сколько установку на индивидуально неповторимое осмысление действительности. Это проявляется даже в рамках философских направлений. Например, к неопозитивистской традиции и аналитической философии принадлежали философы самых различных, зачастую принципиально различных взглядов: от сочувствовавших социал-демократии и коммунизму

¹ Тульчинский Г. Л. Современная наука и этика: двойные стандарты // Научное приборостроение. Т. 7. № 1–2. Приложение 1. СПб., 1998. С. 31.

(О. Нейрат, В. Шлик, Р. Карнап) до активных антикоммунистов и клерикалов (И. Бохеньский, Я. Лукасевич). А. Л. Витгенштейн, считающийся основателем обеих упомянутых традиций, никогда не отождествлял себя с ними и сам тяготел поначалу к толстовству, а затем к восточному эзотеризму. Философ всегда и прежде всего — личность, занимающая собственную неповторимую позицию. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Зачастую эта индивидуально неповторимая позиция приходит в резкое столкновение с общепринятыми нормами, а то и сознательно им противопоставляется. Поэтому архетипичной фигурой философа на все времена стал Сократ, вынужденный по решению суда выпить яд, а для отечественной философии — П. Я. Чаадаев, высочайшим повелением объявленный умалишенным.

6. Философический аутизм: виноватые юродивые

Философ, несмотря на то, что является носителем некоей мудрости или претендует на это, — отнюдь не личность, добившаяся некоего жизненного успеха. Он и не стремится к этому успеху. Осмысление мира в целом, на которое претендует философ, выводит его в контекст этого мира. Поэтому философ — личность не от мира сего, занимающая позицию вне этого мира и только так получающая возможность понять и судить этот мир. Даже в СССР, обществе, строившемся якобы на основах «единственно научной философии», максимальный социальный статус, которого мог достичь самый идеологически правоверный выпускник философского факультета, — это либо секретарь парткома вуза, либо консультант ЦК, но никак не должность руководителя. Технократическая и бюрократическая номенклатура как правящая элита испытывала органическое недоверие к «философам».

Иначе говоря, позиция философа (настоящего или имиджевого) всегда и везде — Out. Следствием чего и является своеобразное отношение к философам и философии. С одной стороны, они — что-то вроде юродивых, блаженных не от мира сего. А с другой — вечно виноватые. Если что-то в жизни идет не так, то виноватыми в этом оказываются прежде всего именно философы, «учителя жизни», которые, оказывается, учили не тому и не так. И не важно, что их никто никогда не слушал — все равно первыми у раздачи оказываются именно философы.

7. Нефилософская философия

Как реализуется философствование? Где возникает и где живет философия? Неужели исключительно на кафедрах вузов и в тиши академических кабинетов? Не секрет, что исходящая оттуда философская мысль не оказывает серьезного воздействия на общество. Речь идет не только и не столько об иронически-терпеливом отношении к преподаванию философии — такое отношение к преподаваемым дисциплинам вообще характерно для школьно-студенческой среды. Важнее другое — явная преувеличенность слухов о непосредственном влиянии философии на умы. Между тем явно и довольно остро ощущается голод по внешкольной, неакадемической философии, по независимому и честному суждению. Не случайно в годы духовного застоя возник и активно разгорался, особенно в молодежной среде, интерес к религии, особенно ее экзотическим формам в духе New Age. Эти настроения способствовали появлению и росту разнообразных, но замкнутых объединений и общин, в том числе тоталитарного толка. В то же время интенсивный духовный поиск способствовал росту активного интереса к истории философии (особенно отечественной), идеям современной зарубежной философии. Альтернативный духовный поиск пронизывал и пронизывает среду художественной, научно-технической интеллигенции, интеллектуалов — в том числе «дворников» и

«кочегаров», занятых интенсивным духовным поиском и творчеством, но не нашедших возможности для полноценной социальной самореализации.

Активное и интенсивное философствование всегда было свойственно не только гуманитариям, но и специалистам-естественникам. Более того, в отечественной мысли давно уже сложилась традиция «нефилософской философии». Характерно, что такие глубокие отечественные мыслители XX столетия, как С. С. Аверинцев, М. М. Бахтин, В. И. Вернадский, Л. Н. Гумилев, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, А. А. Любищев, Б. Ф. Поршнев, С. С. Хоружий, В. Б. Шкловский — не профессиональные философы, хотя и являются таковыми по самому «гамбургскому счету». Их философствование, осуществлявшееся и осуществляемое за рамками, а зачастую и вопреки философскому официозу, входит в ткань духовной жизни общества, определяя и содержание концептуализаций профессиональных философов.

Но такая тенденция характерна для российской философской культуры вообще. Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры — П. Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, Л. Шестов, В. В. Розанов, Вяч. Иванов, П. А. Флоренский, П. Савицкий и др. — не являлись философами ни по специальной подготовке, ни по официальному статусу и роду занятий. В. Соловьев был отстранен от университетской кафедры. А такие ключевые для понимания русской мысли фигуры, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой? Можно сказать, что типологическая закономерность развития российской философии — философская канонизация нефилософского философствования. Психологи Л. С. Выготский и А. Н. Леонтьев оказали решающее влияние на формирование деятельностного подхода в отечественной философии. Ныне живущие в Германии, но с очевидностью яркие русские мыслители Б. Е. Гройс и И. С. Смирнов — изначально матлингвист и филолог соответственно, Б. И. Парамонов — историк. По словам студентов и выпускников философского факультета С.-Петербургского госуниверситета последних лет, их самое яркое философское впечатление за время учебы — спецкурс Н. А. Шанина, одного из создателей конструктивистской школы оснований математики.

Но эта же тенденция характерна и для мировой философской культуры. От философии Возрождения и Нового времени до наших дней в динамике философской мысли нередко ключевую роль играли отнюдь непрофессиональные философы, и сама эта динамика зачастую реализовывалась на основе противопоставления и противостояния философии как таковой. Ф. Бэкон, позитивизм, З. Фрейд, Ж. Деррида — только первые пришедшие на ум фигуранты и направления. А. Эйнштейн и Н. Бор, А. Пуанкаре и В. Гейзенберг — яркие и ключевые фигуры в философской мысли нашего столетия, их интуиции дали богатую пищу для ума не одного поколения профессиональных философов. Живое философствование всегда получало и получает мощный импульс развития из-за пределов собственно философской культуры.

8. Философствование и философия

Итак, есть живое философствование и есть академическая философия. Есть собственно философы — те, кто философствует, и есть преподаватели философии, делящиеся радостью узнавания чужого философствования. Парадокс заключается в том, что профессиональной философией считается второе, тогда как первично и существенно первое, а реализовываться оно — философствование — может где угодно, в каком угодно жизненном материале, а отнюдь не только в учебных аудиториях или на профессиональных философических конференциях².

² *Тумльчинский Г. Л.* К живому философствованию // Философская и социоло-

... Если взять, к примеру, мой собственный опыт, то что способствовало моему мировоззренческому развитию и профессиональному росту? Прежде всего отнюдь не штудии в университете. Разумеется — чтение, но не учебной и учебно-методической литературы, пригодной разве что на роль шпаргалки для сдачи зачетов и экзаменов, а круг чтения в самом широком смысле слова. А главное — это жизненные проблемы и коллизии, общение с друзьями (университет резко расширил их круг). Если говорить о роли преподавателей, то это живое общение с ними, их личный пример, жизненная позиция. Причем не только тех, с кем много общался в аудитории. Например, у И. Н. Бродского я прослушал только маленький спецкурс, у М. В. Поповича, М. С. Кагана вообще никогда не учился, Б. И. Федоров дал мне ряд неоценимых советов и практически поддержал в некоторых случаях. И я всегда считал и буду считать их своими главными учителями в философии. Да и в дальнейшем важным и существенным оказывалось не столько официальное профессиональное общение, доклады и сообщения на конгрессах и конференциях, сколько живое общение и, я бы сказал, совместная жизнь, общее дело. В настоящее время я идентифицирую себя с философской общностью, представители которой живут в разных городах страны и СНГ. Мы активно переписываемся, обмениваемся электронными сообщениями, ездим в гости. Все это «живое философствование» и отливается потом в монографии, статьи, лекции.

На это обстоятельство недавно обратил внимание М. Эпштейн, подчеркнувший³ «симпосийный» характер русского философствования, особую ее близость традиции платоновских диалогов (в первую очередь «Пира», буквально — «symposion»). Речь идет не только о диалогичности, а об особой «тотальной» полифонии духовности, интегрирующей абстрактные идеи, душу и телесность философа, науку и поэзию, критику и фантазию, анализ и синтез, историчность и утопизм. Традиция и опыт такого философствования во многом утрачены на Западе, где философия приобрела (особенно в англоязычной традиции) характер акцентированно аналитической интеллектуальной деятельности. Эту качественную особенность российского духовного опыта М. Эпштейн называет его *Filosofia*, в отличие от западной *Philosophy*. Различия между ними он уподобляет различию между симпозиумом схоластов и платоновским симпосионом. Вне этого различия адекватное восприятие русской философии невозможно, и современной — в том числе. Однако речь идет, скорее, не о жестком противопоставлении. Запад имеет своих ярких представителей *Filosofia*: К. Честертон, Ч. Льюис в Англии, Ф. Ницше и М. Хайдеггер в Германии, Ж. Батай, Г. Башляр, Бодрийяр во Франции. Аналогично и в России можно найти представителей канонического неокантианства, структурализма, позитивизма и т. д. Поэтому, скорее, можно говорить об акцентированных типах: преимущественно западной *Philosophy* и преимущественно русской *Filosofia*.

Но дело даже не столько в национально-культурологической типологизации, сколько в необходимости различать живое философствование как многообразное и разнообразное в своей жизненной полноте осмысление мира в его единстве и беспредельности и философию как рациональную систематизацию философствования.

9. Философия как то, чем занимаются философствующие

Итак, философствование реализуется практически во всех сферах жизнедеятельности. Но как тогда отличить его от чего-то иного? Существует ли какая-то философская мысль. 1991. № 3. С. 123–128; см. также: *Энергия* понимания. Л., 1990. С. 199–205.

³ *Epstein M. Symposion and Russian Filosofia // Symposion. A Journal of Russian Thought. 1996. Vol. 1. P. 3–6.*

специфически философская тематика осмысления, форма мышления, язык, поступки, образ жизни?

В этой связи представляется плодотворным и оправданным не строить различные рационалистические конструкции, не изощряться в решении вечной проблемы дефиниции философии, а взглянуть непредвзято на само реальное бытование философствования. Иначе говоря, почему бы не взять за точку отсчета представление о философии как о том, чем занимаются философы, а точнее — философствующие? Лишь на первый взгляд такой подход кажется тавтологичным. Меня же он привлекает тем, что начинается не с определения понятий, а со взгляда на философию как специфическую деятельность, которой занимаются люди, идентифицирующие себя как философы. Философия предстает не видом знания, а социально организованной и социально значимой деятельностью. Она может иметь свои цели и ценности (предмет деятельности) и реализуется по определенным правилам как любая нормативно-ценностная система культуры. Точнее говоря, с таких позиций философия предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой, сколько «системой систем», которые находятся в отношениях и связях друг с другом, напоминающих «семейства языковых игр» Л. Витгенштейна. Эти отношения и связи напоминают плетущую (типа кольчуги) или войлочную структуру. Философские концепции и способы философствования относятся друг к другу не как род и вид. Они образуют сложные цепочки и плетения, в которых каждое из звеньев пересекается с близлежащими, цепляется за них, но при этом может не иметь никаких непосредственных связей с другими, может никак к ним не относиться или иметь сложно опосредованные переходы к ним. Например, непосредственный переход от позитивизма к экзистенциалистскому философствованию без опосредующей роли феноменологии практически невозможен.

Поэтому философские взгляды с таким трудом поддаются классификациям и систематизациям — в лучшем случае по эпохам и культурно-этническим факторам. Всякие другие классификации и рационализации есть огрубление одних концепций в рамках других, их неизбежное искажение. Поэтому очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга — ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Однако все вместе, в своей целостности, они образуют прочную и всюду плотную ткань философствования, покрывающую (или пронизывающую) все сферы жизнедеятельности.

10. Собственно философия и философствование

При всем разнообразии своих форм философия — на редкость целостная нормативно-ценностная система культуры. Если только понятие целостности применимо к универсуму вообще, к полноте мира и жизни человека. Действительно, философия — универсальное, предельное, если не запредельное осмысление. Выражается это в запредельном характере ее традиционных вопросов.

Будучи мировоззрением и миропониманием, если не мироощущением, любая философия — как осмысление мира, человека и его места в мире — связана с поисками ответов на несколько «философиеобразующих» вопросов:

— какова природа действительности, что представляет собой реальность самой реальности?

— что такое человек?

— что происходит в момент смерти?

— почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно?

— в чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное: философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир. Из этого следует, что философия в

принципе не является и не может быть наукой в самом точном смысле этого термина — в смысле science. И это несмотря на самые наукообразные и рациональные формы возможного философского осмысления.

Реальные вещи есть реальные вещи. Их можно увидеть, потрогать пальцем, изучать с помощью специальных приборов. Реальные вещи и процессы и составляют предмет науки в собственном смысле — как science. Но кто и когда видел истину, свободу, красоту, добро, идею как таковые? Кто, где и когда видел мир вообще, как таковой? Его первопричину? Все они суть абстракции, еще точнее — культурные смыслы, задающие контекст конкретных интерпретаций.

Смысл слова уясняется из контекста предложения. Смысл предложения — из контекста текста. Аналогично невозможно дать ответ на вопрос о смысле жизни, оставаясь в границах самой жизни. И тогда смысл жизни оказывается связанным с Богом, историческим прогрессом, воплощением определенной идеи, последующими поколениями и т. д. — всем тем, что превосходит жизнь отдельного человека. Но в своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще, который может быть найден только с позиций «не от мира сего».

Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне и надприродно. Из трансцендентности философствования следует ряд принципиальных обстоятельств, характеризующих любое его проявление. Во-первых, философия оказывается индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Будучи предельным осмыслением, она есть свобода выбора своего идеала, реализующаяся как поиск, нахождение и утверждение человеком самого себя — конечного существа — в бесконечном мире. Философствование дает человеку смыслжизненное оправдание — таков «социальный заказ». Всякая философия так или иначе, но отвечает на вопрос о смысле жизни — обстоятельство, очевидное для нефилософов и не очевидное для некоторых философов лишь потому, что они, подобно Журдену, не знают, что «говорят прозой».

Однако философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философствование как самоопределение в конечном счете есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это во-вторых. Сколь бы не стремился мыслитель учить, как жить дальше, на самом деле, его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби-в-бытии» — как говорил М. М. Бахтин. И философия — не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Ее привлекательность лежит в самой природе самооправдательных возможностей философской рефлексии.

Аналогично так называемая «методологическая» функция философии по отношению к науке состоит отнюдь не в том, что философия задает, якобы, некие матрицы осмысления действительности, руководствуясь которыми, естественники могут получать осмысленные истинные знания о реальности. Однако так понимаемая «методологическая функция» философии интересует только самих философов и осуществляется всегда вслед, вдогонку научному познанию но никак не предшествует ему. Сами ученые, как естественники так и обществоведы, проявляют весьма слабый интерес к методологическим построениям философов, труды философов читают отнюдь не приступая к исследованию, а только после него, с целью осмысления уже полученных результатов, в лучшем случае — для оправдания и обоснования уже полученных результатов и сформулированных концепций. Философия как всякое рациональное осмысление есть позднейшая рационализация пройденного пути. Она объясняет смысл ситуации, в которой находится субъект — не более, но и не менее. Вектор связи философии и науки направлен не от философии к науке, а наоборот, от науки к философии. Не наука следует за философией, а философия за наукой, занимаясь сплошь и рядом поздними рации-

анализациями научных результатов. Задача философии и методологии — отнюдь не задание канонического руководства к действию, а осмысление научного факта или теории, их «упаковка» в конкретную культуру. Если философия и оказывает воздействие на науку, то не непосредственно, а чрезвычайно опосредованно: через популяризацию, систему образования, публицистику, СМИ, т. е. через общую систему культурных процессов и функционирования культуры общества в целом. В этой-то системе и необходима «методология науки» — как предварительный съём с научных полей философских «полуфабрикатов» культурных смыслов. С этой точки зрения наука является одним из важнейших культурных полей, с которых снимается урожай философствования, с последующей его систематизацией профессиональными философами.

В-третьих, философствование должно располагать богатым спектром выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости. Ф. М. Достоевский говорил, что «ум — подлец, потому как выляет» — ищет и находит объяснения и оправдания происходящему. В этом плане философский ум — самый «подлый», так как по самой своей природе занят объяснениями и оправданиями миру в целом, фактически — чего угодно. Извне, с позиции непосвященного, философствование выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле как универсальное, предельное самоопределение философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным — как само это бытие — способом реализации свободы самоопределения.

11. Вербальные способы философствования: от паремии к системе

Но тогда как реализуется философствование? Имеется ли универсальная форма выражения предельного осмысления? Если бы такая форма была возможна, мы располагали бы универсальным каноническим идеалом, к которому стремился бы практически каждое учение. Достижим ли он и насколько он соответствует реальному бытованию философствования?

Как всюду плотная ткань осмысления действительности, философия подобна фольклору, «народной мудрости» — столь же универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна — фольклорное осмысление дается с самых различных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в паремиях — пословицах, поговорках, инвективах и т. п. — даются осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе на основе взаимопроверяющих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанское»; «везде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет» и т. п. Однако такая взаимопроверяемость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а наоборот — укрепляет его целостность и полноту. В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М. Монтень, Б. Паскаль, Н. Валлис, В. В. Розанов — перечень таких мыслителей можно продолжать. За счет чего же достигается целостность «паремиологического» философствования? Его противоречивая полнота есть выражение целостной неповторимости личности философа. Именно неповторимая индивидуальность его выступает интегрирующим фактором. Противоречия осмысления объединены его личностной неповторимостью и уникальностью. Философские паремии, в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную

линию. История их развития — личная биография мыслителя. Поэтому наиболее развитой формой паремнологического философствования являются дневниковые записи.

Однако философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддийские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма), могут разрастаться в назидания, в эссе, в диалоги, новеллы, повести или романы, как скажем, в творчестве Платона, Унамуно, Достоевского, Толстого, могут иметь самостоятельное художественное значение. Важно подчеркнуть, что философствование может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения.

Общей чертой паремнологического и сюжетного философствования является необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения. Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим результаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только новомодные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы, Вольфа. Различия — в степени упорядоченности. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором.

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах — от Декарта и Спинозы до Фихте и Гегеля. Если для паремнологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она — терпимый и несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном развертывании исходных принципов, требование противоречивости — парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип.

Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости. Поэтому наиболее последовательные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все, что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

12. Невербальные способы философствования

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров. Хотя уже на примере этих форм выражения, так сказать, «левополушарного», словесного философствования видно богатство философской палитры. И опыт показывает, что существует и «правополушарное» философствование, реализуемое с помощью иконических знаков — схем, рисунков, изображений. Так, на геометрически-наглядном рассуждении основана античная математика. Но и философия оперирует наглядными образами. И не обязательно — словесными их описаниями. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию с иконическими знаками. Причем характер используемых средств — схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений и даже склонность к вполне определенным фигурам (или треугольникам, или кругам, или прямоугольникам, или стрелкам и т. д.) способны многое сказать о способе и стиле философствования. Недаром в свое время П. А. Флоренский задумал даже создание *Symbolarium*'a — словаря иконических знаков-символов и их смысловой палитры: от точки до сложных фигур и конфигураций⁴.

⁴ Флоренский П. А. *Symbolarium* (словарь символов). Предисловие // Ученые

Особая проблема — перевод «левополушарных» способов философствования в «правополушарные» и наоборот. Речь идет не только о дидактических целях такого перевода вроде проблемы наглядности в преподавании. Ф. Бэкон считал, что задачей философии является обнаружение «скрытого схематизма» явлений⁵. И наглядные образы, метафоры, модели могут не только иллюстрировать словесно выраженную мысль, но и предшествовать ей. Вербализация может быть описанием осознанного схематизма, быть вторичной. Поэтому систематическое взаимодействие и взаимоперевод — самостоятельный стимул и фактор развития философской мысли.

Более того, представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия — как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное философствование мудрых людей, самой своей жизнью воплощающих ценностную норму. Возможно, существует философское осмысление, основанное на висцеральных источниках информации. По крайней мере в мировоззрении и миропонимании П. Я. Чаадаева, по его собственным свидетельствам, играли заметную роль пищеварительные и другие обстоятельства внутреннего самочувствия⁶.

Философия, подобно Протею, способна принимать самые различные, не похожие друг на друга обличья. Она столь же многообразна, как и пути человеческого самоопределения, самосознание, самообъяснение и самооправдание. Поэтому вряд ли обоснованы претензии какого-то одного способа философствования на исключительность и общезначимость. К такому выводу приводит рассмотрение даже чисто внешних форм бытования философии. Что же говорить о разнообразии философствования, если включить в поле зрения его концептуальное разнообразие?!

13. Философия как нормативно-ценностная система культуры

Представляется, что различие философствования и философии, «профессиональной» и «непрофессиональной» философии — во всем их жанровом разнообразии — не абсолютно, а относительно, связано с динамикой единого процесса.

Любая сфера деятельности проходит несколько этапов в своем становлении⁷. Начинается все с некоей идеи, приходящей кому-то в голову. Если человек не поделился этой идеей, то она может так и остаться фактом его глубоко личной биографии или с ней произойдет то, о чем сказал поэт:

Я слово позабыл,
Что я хотел сказать,
И мысль бесплотная
В чертог теней вернулась.

Если же идея стала достоянием других, хотя бы ближайшего окружения, то может возникнуть общее понимание. На этой стадии все может и остаться. Но может по поводу этой общности возникнуть и некое слабо упорядоченное, но регулярное общение, некая «тусовка», которая имеется в любой сфере: политике, записки Тартусского государственного университета. Вып. 284: Труды по знаковым системам. Т. V. Тарту, 1971. С. 521–527.

⁵ Бэкон Ф. Новый органон. Л., 1935.

⁶ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М., 1991. С. 18–64.

⁷ Тульчинский Г. Л. Проблема осмысления действительности. Логико-философский анализ. Л., 1986. С. 114–117.

искусстве, науке, в философии тоже. С появлением лидеров, некоей программы (манифеста), вербовкой учеников связана следующая стадия — ассоциации, невидимого колледжа и т. п. Появление социального статуса, финансирования, основных фондов, социального признания в виде регистрации устава или положения, распределения должностей знаменует стадию институционализации. Эти стадии проходят научные коллективы, политические и религиозные движения, философские школы и направления. В этой связи становится очевидной первичность философствования и вторичность академической философии, институционализирующей некоторые виды философствования.

Философия в виде философствования присутствует в каждой субкультуре: профессиональной, возрастной, досуговой. . . В каждой из них имеются свои философствующие. Часто профессиональная философская субкультура питается отсюда. Выше уже отмечалась особенность истории русской философии — перманентная институционализация неинституциональной философии.

Спектр способов философствования широк: паремии, притчи и басни, сюжеты и системы. Но общее требование к ним с точки зрения философского этоса — претензии на исчерпывающее осмысление. Несмотря на возможное взаимодитирование, разные направления друг друга понимают плохо. Общее — в вопросах, а не в ответах. Философ — это тот, кто:

- ищет основы всего;
- объясняет мир вообще;
- смысл жизни и т. д.

Ответы на эти вопросы могут быть разными, но все они будут философическими, потому как сама постановка этих вопросов предполагает позицию неотмирности, выход в контекст этого мира и этой жизни. Поэтому философы — это те люди, от которых шарахаются, над которыми смеются, так как они «не от мира сего». Но в кризисной ситуации оказываются виноватыми именно они — как «учителя жизни», которые привели не туда.

14. Метафизическая драма русского платонизма

Философский этос, таким образом, связан с содержательной стороной философствования как нормативно-ценностной системы — фактом противоречивости мысли, сознания, поступков, если они претендуют на статус философствования как универсального осмысления полноты действительности. Осмысляющая противоречивость или противоречивое осмысление, развертывающиеся в паремнологических, сюжетных, компендиумных или системных формах вербального философствования, а то и в не- и довербальных формах — суть правила, нормы, по которым реализуется философствование, в том числе — философствование ученых: в афоризмах, шутках, других формах околонуточного фольклора, субкультурально-дисциплинарном эпосе и т. д., но самое главное и интересное — в научных теориях. В последнем случае и возникает парадоксальная ситуация. Научная теория, по определению — по своей природе и своему назначению — не может быть метафизичной. Критериями научной теории являются эмпирическая верификация (подтверждаемость и проверяемость), принципиальная возможность фальсификации (опровержения) и непротиворечивость. Метафизика же, как сердцевина философствования, не имеет отношения к эмпирии, реальному опыту, осмысляя трансцендентное, а значит, в принципе, непроверяема этим опытом. Кроме того, как уже говорилось, метафизическое осмысление, претендуя на осмысление мира в целом как такового, вырабатывая универсальное объяснение, не может не быть противоречивым. Именно здесь проходит граница. Наука есть наука, а философия — философия, и у каждой из них свое назначение. У одной — задача выработать конструктивное знание, на основе которого можно строить специальные работающие модели, задача другой — выработка универсальных культурных

смыслов. Поэтому, когда ученый придает своим взглядам универсальный характер, претендуя на универсальное осмысление, он порывает с наукой, становится философом. Теория, претендующая на знание о мире в целом, на первопричину всего сущего, на универсальный метод, — становится метафизикой⁸. Это не означает, что «ометафизичивание» научной теории хорошо или плохо. Нужно только ясно отдавать себе отчет, что есть что и не путать принципиально различные вещи. В противном случае возможны серьезные не только интеллектуальные, но и социальные издержки.

Советская и не только советская идеократия была основана на «ометафизичивании» социологической и экономической теорий К. Маркса. Довольно уважаемые в научном плане теории (классовой борьбы, происхождения и динамики государственной власти, трудовая теория стоимости) были объявлены ответом на вопросы: что есть мир и в чем его первопричина (борьба и единство противоречащих сил), каков универсальный метод познания (диалектика как выявление противоречий), что есть человек, самосознание и душа (личность как совокупность общественных отношений, носительница и выразительница классово-партийных интересов).

Даже позитивизм, взяв за основу критерии научности и отбросив метафизику, оказался в метафизической ловушке именно вследствие абсолютизации этих критериев. Метафизическими абстракциями стали идеи фрейдизма. Источниками новой мифологии стали геополитические идеи П. Савицкого, теория этногенеза Л. Н. Гумилева. Но это ни хорошо и ни плохо. Наука являлась и является, как уже говорилось, одним из наиболее продуктивных поставщиков способов философствования и соответствующих культурных смыслов. Мифология типа либидо, пассионарности и т. п. выполняет важную роль в современной культуре. Важную, но не научную.

В этой связи чрезвычайно показательны предпринятые недавно первые попытки систематизации новейшей послевоенной российской философии⁹. Именно наука, как гуманитарная (филология, история, семиотика, культурология), так и математика (включая математическую логику) и естествознание, стали основными духовными и интеллектуальными заповедниками и источниками отечественного рационализма, свободомыслия, либерализма и персонализма.

Но и здесь проявилась извечная «платонистская драма» российской философской культуры — преувеличенное значение философии в жизни российского общества, обусловленное фокусированием на вторичной реальности, связанной с творчеством идей, на трансцендентном и метафизическом философствовании. Вполне разумные идеи и теории, поняты как универсальные ответы на универсальные вопросы, во многом определяют и эйфорию горбачевской перестройки, и «либерально-демократические» реформы 1990-х. Ситуация может нормализоваться лишь по мере философского осмысления реального уникального опыта самоосвобождения российского общества, в том числе и от власти идей.

⁸ Тульчинский Г. Л. О метафизичивании науки. Способы философствования и наука // Философский век. Альманах. Вып. 7. Между физикой и метафизикой: Наука и философия. СПб., 1998. С. 151–167.

⁹ Вопросы философии. 1998. № 3. С. 178–184.